

Письмо Райкину

Аркадий Исаакович, это непостижимо — мы снова встретились.
Ваши воспоминания, где уже есть я.

И мои воспоминания, где уже есть Вы.

Чего нет в Ваших воспоминаниях — Вас.

Как в моих не будет меня.

Человек не знает своего характера.

В воспоминаниях — "я сказал", "я подошел", "я ответил",
"я переживал".

Никто же не пишет: "Со мной случилась истерика. Я ему денег так и не отдал... Когда все разошлись, еще долго раздавались мои крики... Я лежал и накручивал себя. Накрутил и закатил такой скандал, что осип и сорвал концерт..."

Это я о себе.

Вот мне живому не хватает Вас живого.

Опять не сошлись.

Причем я-то податливее.

Хотя я уже почти Ваш ровесник.

А был лет на двадцать моложе.

В Ваших воспоминаниях мне не хватает Вашего головокружительного, феерического, ошеломляющего успеха.

Потому что публика у Вас была изумительная.

Они тогда все были здесь.

Состояние общества тогда бы я назвал "запертость" от слова "заперто" с ударением на "о".

Вот эта "запертость" держала интеллект в состоянии полной боевой готовности. Шепни спящему среди ночи: "К пуговицам претензии есть?". Он бормотнет: "К пуговицам претензий нет".

Единственное, что не понимала публика, — отчего Вы вдруг "Исаакович".

На это у нее тоже ушло несколько лет.

Сегодня возникла такая же история с Иисусом Христом.
Вы везучий человек, Аркадий Исаакович.
Они все были здесь — и академики, и писатели, и артисты.
С равной высотой лба.

На намеках выросло это Ваше поколение.

Они откликались на юмор, как охотники на свист.

Мне в Вашей книге не хватает Вашей публики.

Помню конец спектакля — все бросились к сцене. Какой-то генерал встал спиной к Майе Плисецкой в первом ряду. Она, сидя, своей прекрасной ногой в прекрасном сапоге пнула его ниже кителя. Он оглянулся — не понял, она его пнула опять. Генерал оглянулся и догадался.

Он догадался.

Он отодвинулся.

Он покраснел.

Мне не хватает в Вашей книге репетиции с А.В. Эфросом, когда администратор гостиницы "Московская" в Ленинграде кричала:

— Уже 24 часа 15 минут! Я вызываю милицию!

— Вызывайте! — сказали Вы, и я побледнел...

И она вызвала... И милиция нас развозила по домам.

Это-то в 1966 году.

Мне не хватает людей, которые в любой конторе, в любом трамвае, в любой приемной вставали, когда входили Вы.

И начальники, начальники — великие специалисты лизать то, что сверху, и топтать то, что снизу. Такая у них была чечетка — лизнул — топнул — позвонил... Они тоже вставали.

Советская власть в таланте не ошибалась, он либо сидел, либо процветал. Но знал о себе точно.

Вы были правы. Вы были правы. Все что угодно надо было делать, чтобы уговорить, обмануть, пролезть через цензуру, но выйти к зрителям знаменитой летящей походкой.

Этот рев стоил всех Ваших седых волос и дрожащих рук... Как они ждали Вас после пыток, дорогой Аркадий Исаакович.

Мне не хватает в Вашей книге неимоверного хохота, до обморока, до мокрых стульев, и восторга от мгновенного переодевания и еще более быстрого перевоплощения: старика в женщину, женщины в японца, японца — в поэта-алкоголика... И все это внутренне, внутренне, дорогой Аркадий Исаакович! Это не надевание носа из чемоданчика и не пародия голосом, а из характера в характер за секунду. Со словечками, с новой походкой, с новым мировоззрением.

Потому что Вы артист великий.

А как это сохранить — на плоском экране?

Потому что Вы обучены и образованны.

А как это показать на плоском экране?

Проблесками.

Для Вас все слова родные. И рабочее немногословие. И поэтическая многозначность.

Конечно, Вы упрощали.

Конечно, Вы упрекали меня в усложненности...

Это меня-то с моим высшим мореходным и перманентным матом в душе.

А Вам требовалось попроще, с Вашим образованием и окружением из Тышлера, Зельдовича и Корнея Чуковского?

Но я Вас понимаю.

Я Вас понимаю.

Просто мы язык не выбираем.

Человек мыслящий старается донести на чем угодно и как угодно.

Мне не хватает в книге Ваших фокусов: репетировать до глубокой ночи с Карцевым и Ильченко, а утром знать наизусть свой текст и разносить их в клочья за незнание своего.

Если бы читатели видели и знали Вашу работу, видели Вас, окруженного толпой. Ревущий зал.

Они бы вернее оценили слова Шауро и других верхних хамов, к идеологии которых добавлялась дикая зависть и желание согнуть того, кому смертельно завидуешь.

А Вам надо было выйти к публике... Надо было...
Не знаю, что живет после таланта?
Теперь здесь театр Вашего имени. Прославленный сын Ва-
шего имени. Передачи, телекадры.
А что живет после Ньютона, Ломоносова?
Все уже далеко от них.
Что же осталось?
Основа, товарищ Райкин. Основа!
Ваша плита в основе новых фонтанов и монологов.
Так что не переживайте там, где переживают.
Никто и ничто не вырвет Вас из-под нас, ибо мы рухнем.

Как всегда Ваш автор

